

стричься в монахи, освободиться возможно скорее от „мимотекущего и многомятежного житья сего“. Когда как-то Поликарп заметил ему, что князья могут спастись и в миру, необязательно в монастыре, если будут жить добродетельно, Ростислав в ответ произнес целую речь: „Отце! Княжение и мир не может без греха быти...“; — сослался на многих „правoverных царей“, которые „пострадаша“ и за это получили возмездье от бога, даже на императора Константина, не раз выражавшего желание променять венец и порфиру на иноческий клобук. Доводы Ростислава в конце-концов убедили Поликарпа: „Аще сего желаеши, княже, да воля божия да будет“. Ростислав, однако, именно в тот момент, когда Поликарп дал согласие совершить обряд, — от пострижения отказался: „Пережду и еще мало время: суть ми орудьица“ (стр. 363—364). Здесь, этой короткой репликой, автор повести нанес непоправимую брешь своему агиографически преображенному образу Ростислава.

Тот же случай и в повести об Андрее Боголюбском — в сцене нападения на него заговорщиков. Вопреки ожиданиям читателя, вопреки логике предшествующего изложения, вопреки давно узаконенной агиографической схеме, Андрей, когда в его „ложницу“ ворвались убийцы, — стал сопротивляться: он прежде всего схватился за меч, но меча на месте не оказалось, — „бе бо том дни вынял и Амбал ключник его“; двое из убийц набросились на князя, — князь стал яростно защищаться и одного из них подмял под себя; второй, не видя в темноте и думая, что упал князь, ранил своего товарища; когда ошибка выяснилась, все бросились на Андрея и стали наносить ему раны мечами, саблями и копьями до тех пор, пока князь не упал, обливаясь кровью.

Здесь, в летописной повести, это чередование „документа“ и „литературы“ на одной и той же плоскости повествования, под пером нередко одного и того же автора (оно хорошо знакомо, кстати сказать, и древнерусской миниатюре, как это недавно показал А. В. Арциховский, обнаруживший в иллюстрациях Радзивиловского летописного сборника конца XV в. многочисленные следы документально точных зарисовок предметов старинного вооружения и орудий труда, даже ряда бытовых сцен),¹ — чередование это в историко-литературном аспекте интересно прежде всего тем, что дает нам некоторый дополнительный материал для характеристики качественного своеобразия средневекового реализма. Находясь еще в скованном, в связанном виде, в стадии „документального“ отражения действительности, чисто эмпирической фиксации отдельных фактов, средневековый реализм становился в литературе не только рядом с отражениями в ней устно-эпических форм выражения, но он наталкивался и на сопротивление чрезвычайно сильных в ней в эпоху феодализма систем художественного отражения действительности — антиреалистических по своей природе; не имея еще возможности в силу своей ограни-

¹ А. В. Арциховский. Древне-русские миниатюры как исторический источник. Изд. МГУ, 1944.